

ЦИКЛ "МАМИНЫ СЫНОЧКИ"

ДАРИНА
ВЭБ

ЗОЛУШКА для МАЖОРА

МОЛОДЕЖНАЯ ПРОЗА

Дарина Вэб

Золушка для мажора

«Литнет»

2025

Вэб Д.

Золушка для мажора / Д. Вэб — «Литнет», 2025

— Это всё уже было, — говорю, выпуская морозный пар из лёгких. — Я всё это уже видел. Неужели у вас никогда не было ощущения дежавю? — хмурюсь я, понимая, что замерзаю на морозном воздухе. — Бывало, но не так конкретно. Обычно эпизодами, — отвечает Шэр, переминаясь с ноги на ногу. — Этот сон мучил меня последние месяцы. Такого не бывает, я знаю. Я же не debil, чтобы верить в экстрасенсов. Но если я встречу девушку в длинном красном платье, поверю даже в чёрта, — поворачиваюсь ко входу и смотрю на студентов в разнообразных костюмах, входящих внутрь. — Вот от кого не ожидал, так это от тебя. Сатир, очнись! Там сейчас полный зал девок в красных платьях будет, — говорит Шэр и идёт к двери. — Надо успеть снять с неё маску! — озираюсь по сторонам, довольный своей задумкой. Я узнаю, кто эта незнакомка. Больше она не сбежит.♥#Упёртый, харизматичный герой♥#Весёлые друзья♥#Таинственная незнакомка♥#Откровенные сцены♥#Очень 18+♥#Книга про Шэра

© Вэб Д., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
1 глава	7
2 глава	8
3 глава	10
4 глава	12
5 глава	15
6 глава	17
7 глава	19
8 глава	22
9 глава	25
10 глава	28
11 глава	30
12 глава	33
13 глава	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Пролог

Золушка

Кабинет Елены Петровны, заведующей кафедрой практической психологии, всегда производил на меня странное впечатление: строгий порядок на полках, безупречная чистота и едва уловимый аромат кофе, который научный руководитель неизменно заваривала сама.

Сегодня этот привычный антураж казался особенно напряжённым. Я сжимала в руках распечатанную работу, чувствуя, как подрагивают пальцы.

Елена Петровна неторопливо надела очки, взяла листы и углубилась в чтение. Минуты тянулись мучительно долго. Я успела посидеть, посмотреть в окно и даже ответить подруге на несколько сообщений.

Наконец она отложила бумаги и подняла на меня пристальный взгляд:

— Я не могу принять это как научную работу. Здесь нет ни эмпирических данных, ни экспериментальной проверки, ни даже минимально корректной выборки. Одни рассуждения и... догадки.

Я сглотнула, но сдаваться не собиралась. Не зря же я не спала ночами и похудела на пять килограммов.

— А если я докажу вам, что через тонкие психотехники — например, методы воздействия на подсознание или техники изменения мышления и поведения — можно влюбить в себя любого? Даже того, кто обычно плохо поддаётся влиянию извне. Допустим, самовлюблённого мажора. Что мне с этого будет?

Елена Петровна откинулась на спинку кресла, скрестив руки. В её глазах мелькнул интерес, даже хитринка, но голос оставался сдержанным:

— Если ты действительно сможешь продемонстрировать воспроизводимый, научно обоснованный метод — получишь диплом высококласного специалиста в области практической психологии. И место в моей клинике. С возможностью проводить исследования о том, как возникает взаимное притяжение между людьми, и разрабатывать методики целенаправленного изменения эмоциональных реакций.

Я не надеялась, что Елена Петровна согласится на мою затею. На самом деле, чтобы проводить такое исследование, нужны стальные нервы — и, кажется, продать душу дьяволу.

Поэтому я вспылила:

— Но это же граничит с манипуляцией!

— Граничит, — согласилась научный руководитель. — Именно поэтому так важно провести исследование строго в рамках этических норм. Нам нужны не сомнительные приёмы, а понимание механизмов. Если твой подход сработает, мы сможем помочь людям, страдающим от одиночества, или тем, кто не умеет выстраивать здоровые отношения.

Я задумалась. Передо мной открывалась перспектива, о которой я даже не смела мечтать: собственная лаборатория, возможность заниматься тем, что действительно захватывает. Но цена была высока — нужно было доказать, что гипотеза не просто красивая теория.

Во мне боролись две личности: будущий высококвалифицированный специалист и обычная девушка, которая не хочет манипулировать чужой жизнью — пусть даже такими примитивными индивидами, как мажоры.

— Я готова, — выдохнула я, когда специалист перевесил чашу весов. — Дайте мне три месяца. Я проведу эксперимент и предоставлю вам данные.

Елена Петровна кивнула, доставая из ящика стола чистый бланк договора:

— Хорошо. Два месяца. Но с двумя условиями: ты будешь вести подробный дневник исследования, фиксировать каждый шаг и каждую переменную. И никаких этических наруше-

ний. — Она замолкла на минуту, а после посмотрела так, будто у неё созрел кровожадный план. — Испытуемым станет Тирский Александр — для чистоты эксперимента. По рукам?

— Но он же... — не успела я договорить.

— Да, именно поэтому я смогу наблюдать и видеть, как продвигается твой проект, — безапелляционно заявила Елена Петровна, слегка улыбаясь уголком губ.

Я протянула руку для рукопожатия. И в этот момент осознала: началась самая сложная и, возможно, самая важная глава в моей жизни.

Вторая книга уже пишется https://litnet.com/shrt/_oMl

1 глава

Сатир

Громкие басы сотрясали стены, разноцветные прожекторы освещали лица весёлых студентов, а воздух был пропитан смесью ароматов парфюма, пота и дешёвого горячительного.

В самом эпицентре танцпола извивались женские тела, парни подкатывали, тёрлись, открыто снимая на вечер. Кто-то отплясывал, кто-то флиртовал, а кто-то просто пытался удержаться на ногах.

Ну как же без Печеньки. Куда Шэр — туда и она. Они прижались друг к другу в уголке, забыв обо всём на свете. Печенька смеялась, запрокидывая голову, а Шэр нежно перебирал её пальцы, время от времени бросая на неё такие взгляды, что даже мне, закалённому любовно-обильному холостяку, становилось не по себе.

— Давайте только без лобызаний. Хотя бы в сторонке. Не раздражайте, тошнит от вашей милоты, — брезгливо процедил я, разглядывая телочек, танцующих в толпе.

— Не завидуй. Хочешь, познакомлю тебя с хорошей девушкой? — Печенька, как всегда, не воспринимала мою грубость всерьёз. Она подмигнула Шэру, и тот расплылся в глупой счастливой улыбке.

В этот момент к нам подплыл Поэт — его чёрные волосы были взъерошены, а глаза горели тем жадным огнём, который появляется только после третьей рюмки текилы и удовлетворения.

— О, друзья подруги! — воскликнул он, взмахнув рукой так, что едва не опрокинул чей-то коктейль. — Я, кажись, не зря пришёл. Музыка, веселье, танцы — в этом вихре ярких дней сердце радуется страстно...

Он закрыл глаза, словно прислушиваясь к невидимой мелодии:

— Вот та тёлочка в красном — она танцует, как строка, которую я никак не могу дописать... А вон тот гопник у бара — он словно метафора, которую я ещё не осмыслил...

«Вот же пьянь, когда успел?» — подумал я.

Я фыркнул:

— Поэт, ты опять в своём репертуаре. Может, тебе лучше написать оду о том, как не пролить свою алкашку?

Он лишь рассмеялся, запрокинул голову и сделал глоток.

Печенька захихикала, прижимаясь к Шэру:

— Он сегодня в ударе, да?

Шэр кивнул, не отрывая взгляда от её лица:

— Как и всегда. Но знаешь, в чём-то он прав. Сегодня действительно весело и страстно.

Музыка взывала громче, прожекторы сменили цвет, и толпа взорвалась новыми движениями. А я стоял в стороне, наблюдая за происходящим и выбирая жертву на вечер.

Та девчонка, что привлекла внимание Поэта в толпе, зацепила ярким нарядом — платье переливалось алыми и золотыми бликами, словно пламя в ночи.

Не торопясь идти в наступление, я наблюдал за плавными движениями. Она танцевала так, будто вокруг не было никого: голова слегка запрокинута, руки струились в воздухе, каждое движение — завораживающее, гипнотическое.

Лица не разглядеть, но я верю в примету: если девчонка умеет красиво двигаться, значит, в постели — огонь.

2 глава

Сатир

Басы пульсировали в груди, воздух пропитался запахом предвкушения. Проектор на мгновение выхватил её из полумрака — тонкие пальцы скользнули по волосам, улыбка мелькнула, как вспышка на пухлых губах. Всё, что я заметил в её волнующем образе.

Я сделал шаг вперёд, чувствуя, как ритм музыки отдаётся в висках. Сейчас главное — не спугнуть. Подойти так, чтобы она почувствовала моё присутствие, но не обернулась слишком рано.

Я приблизился почти вплотную — настолько, что ощутил тепло её тела, лёгкое движение воздуха от каждого её жеста.

Музыка обволакивала, диктовала правила этой немой игры. Её волосы едва коснулись моей щеки — тонкий аромат жасмина смешался с терпким запахом дорогого парфюма. Не кричащий, но уверенный, словно тихий шёпот роскоши.

Какие-то нотки въедались в лёгкие, обволакивали, заставляли задерживать дыхание, чтобы уловить каждую грань этого цветочного букета. Сладкие, но не навязчивые оттенки переплетались с чем-то тонким, едва уловимым, отдалённо похожим на цитрусовые.

«Не из простых», — мелькнуло в голове. Такой парфюм не купишь в первом попавшемся магазине. Он говорил о вкусе, о статусе, о привычке окружать себя только лучшим.

Каждая нота словно подчёркивала её уверенность — ту самую, что читалась в высокомерной реакции и неторопливых движениях.

Я невольно улыбнулся. Этот аромат будто создавал вокруг неё невидимый барьер, но в то же время манил преодолеть его.

На подсознательном уровне я понимал: этим вечером она точно моя. Не только потому, что я этого хотел, а потому, что она сама решит в мою пользу. И от этой мысли внутри разгоралось предвкушение, горячее и нетерпеливое.

Не видя её лица, я начал двигаться в такт. Наши тела сами находили общий ритм: полуповорот, шаг назад, плавное скольжение ладонями вдоль её тела. Рука случайно (или нет?) задела моё плечо — и по спине пробежала горячая волна.

Станные ощущения исходили от нашего танца. Вроде всё как всегда. Очередная красивая девушка на вечер, но...

Я позволил себе плотно приблизиться, чувствуя, как под тонкой тканью платья перекачиваются мышцы её спины. Упругие ягодички плавно тёрлись чуть ниже паха, возбуждая и придавая стойкости моему «характеру».

Пальцы сами нашли нужную точку — лёгкое прикосновение к рёбрам, едва заметное давление, приглашающее следовать за движением. Она откликнулась мгновенно: изгиб тела, поворот головы, едва уловимый вздох, утонувший в басах.

Я потерялся в ощущениях. Тепло нежной кожи под кончиками пальцев, прерывистое дыхание, синхронность движений, будто она знает мои предпочтения от и до.

Каждый контакт наших тел — электрический разряд, каждая пауза — натянутая струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения.

Её ладонь скользнула по моей руке, пальцы переплелись — и это был уже не просто жаркий танец. Это прелюдия перед страстным сексом, горячим, таким же, как её кожа.

Губы потянулись к шее — попробовать на вкус, посмаковать на языке предвкушение.

Ведь наш танец — не просто контакт, это обещание. Её обещание покориться, сдаться окончательно и бесповоротно.

Её дыхание сбилось — едва заметно, но я уловил. Миг колебания, словно струна, натянутая до предела. Я почувствовал, как она замерла, всего на долю секунды, а потом...

Резкий рывок — и её локти оттолкнули меня. Не грубо, но решительно. Так отталкивают то, что уже признали опасным.

Я не успел осознать, что происходит. Только увидел, как её фигура растворяется в полумраке, прорезая толпу стремительным, целенаправленным движением.

Музыка всё ещё играла — тот же медленный, обволакивающий ритм, который ещё минуту назад звучал призывно для нас обоих. Теперь он звучал насмешкой.

Я сделал шаг вперёд, потом ещё один. Люди вокруг продолжали танцевать, не замечая моей внезапной пустоты. Кто-то из парней задел плечом, но я даже не обернулся.

Я провёл рукой по шее, ещё не понимая, что произошло.

Что пошло не так? В какой момент я потерял ту цепкость, с которой легко ловил таких быстрых спортсменов?

Настрой скатился до минимума, а со спины ко мне прижималась очередная девушка, готовая на продолжение.

Тёплый полумрак пульсировал басами, размытые огни скользили по стенам, превращая всё вокруг в калейдоскоп неясных очертаний.

Её пальцы ненавязчиво скользнули по моему плечу — лёгкий, почти невесомый контакт. Не то и не так, но и этого достаточно для одной ночи.

«Не-е-е, я не скачусь до уровня Шэра. Не заиклюсь на сбежавшей незнакомке. Пусть она трижды красотка. Хотя я и не видел её лица. Не мой это путь».

Эти мысли проносились в голове, словно вспышки стробоскопа. Бегать за кем-то? Играть в догонялки, где правила меняются каждый час? Никогда!

Я медленно развернулся. Её глаза в полумраке казались бесцветными, улыбка — не такой заманчивой.

Опустил глаза ниже, на два силиконовых шара. Настроение грубым скачком поднялось выше.

Улыбнулся уголком губ, взял за руку и повёл в пихабельную комнату Шершня. Ни грамма сопротивления с её стороны. Это то, что мне сейчас нужно.

3 глава

Сатир

С вечеринки я уехал раньше всех. Шэр с Печенькой всё ещё не отлипали друг от друга, словно два магнита, не способные разорвать связь.

Завидовал ли я им? Нееет!

Однообразие надоедает. Сегодня я хочу брюнетку, завтра блондинку, а послезавтра шатенку. Почему нет? Могу себе позволить.

Поэт тоже, хм. Бродил как неприкаянный, цепляясь к каждому, кто попадался на пути. Его сегодня явно перло: стихи лились рекой, переключаясь с громкими возгласами и звоном стакана.

Видно было — горячительное только подстёгивало его словесный понос. Да и что странно, давненько не видел его с девушкой.

Такое ощущение что Поэту надоели случайные связи. А видя как развлекаются Шэр с Печенькой он даже слегка завидует. Мне так кажется со стороны.

Надеюсь это не заразно, и меня не коснётся. Не хотелось бы быть привязанным к одной из девчонок.

В общем, друзья веселятся, отрываются как умеют.

А я... Я уже разрядился. Получил своё — и отчалил. В тишине машины наконец-то стало слышно собственные мысли, а ночной воздух, врывающийся через приоткрытое окно, смывал остатки шумного вечера.

Утром просыпаться не хотелось совсем. Тело будто налилось свинцом, а в голове пульсировала одна мысль: «Универ достал». Но с отцом-ректором не забалуешься — прогулы здесь не прощают.

В душ я сходил ещё с вечера, так что собираться было делом пяти минут. Спортивные штаны, чёрная майка, сверху — зипка. Простые, привычные движения, будто ритуал, возвращающий к реальности.

За окном — серость. Небо низкое, тяжёлое, будто давит на город. Скоро снег ляжет. А там и Новый год. Останется всего ничего до получения диплома и начнётся свободная от учёбы жизнь.

Выйдя из комнаты, я, как обычно, почувствовал запах кофе.

— Сдрисни с дороги! — не успел я среагировать, как влип в стену от резкого удара в плечо.

Геля, нафуфыренная, уже мчалась быстрее меня на кухню.

Это как ещё один утренний ритуал: кто вперёд нальёт кофе и свалит из дома. Последний закрывает все двери и ставит на сигналку.

В такие моменты я жалею, что не ношу домашние тапки. Руки чешутся кинуть вслед — чтобы прям в аккурат в затылок. Вот было бы воплей!

Я потёр плечо и медленно двинулся вслед за ней. В кухне уже царил хаос: Геля лихо-радожно доставала чашки, одновременно пытаясь найти ключи в бездонной сумке. Наконец нашла, кинув их на середину стола.

— Тебе пригодятся, — задорно подмигнула она.

— Ты хоть иногда можешь без этих гонок? — пробурчал я, включая кофемашину.

— Без гонок — это не утро, — бросила она через плечо. — К тому же ты всегда проигрываешь.

Я лишь усмехнулся. Действительно, за все эти месяцы ни разу не удалось её опередить. Кофемашинка заурчала, наполняя пространство густым ароматом.

Я прислонился к столешнице, наблюдая, как сестра наскоро поправляет макияж перед зеркальцем.

— Откуда столько энергии с утра? Я, пока не выпью кофе, не человек, — сказал я, поставив рядом с ней чашку.

— Ой, да ладно! Ты просто Лунтик, — она подмигнула и ловко подхватила чашку.

С этими словами она уже мчалась к выходу, оставляя меня наедине с дымящимся кофе и тикающими часами.

Я взглянул на время — как всегда, впритык. Но кофе выпить успею.

Злости на сестру за утренние подколы не чувствую. Мы часто перекидываемся острыми фразочками — таким способом заставляем мозги быстрее включаться.

Звук движка тачки слышал даже дома. Носится, как ведьма на метле, а родаки потом штрафы выплачивают.

Я допил кофе, поставил чашку в раковину и пошёл к выходу. На пороге обернулся, увидел на столе ключи и вернулся за ними.

Звонок от Поэта — ещё одна утренняя традиция, привычный ритуал моего утра.

За окном бледно-розовый рассвет растекается по крышам, а в воздухе витает тонкий запах бензина и свежескошенной травы.

Когда-нибудь всё поменяется, но пока меня всё устраивает — в этой размеренности есть своё очарование.

— Ты опять без колёс? — отвечаю на входящий, нажимая на кнопку старта.

Движок оживает с мягким, бархатистым урчанием — работает как часики. В салоне царит благословенная тишина, ни единого раздражающего звука. Только едва уловимый запах кожаных сидений и лёгкий шлейф моего одеколona.

— Я вчера перебрал, тачку у Шершня оставил. Подбросишь? — раздаётся в динамике скрипучий, будто проржавевший, голос Поэта.

Выезжаю из двора, плавно выруливая на общую дорогу. Утренний трафик ещё не набрал обороты — редкие машины скользят по мокрому асфальту, оставляя за собой размытые блики фар.

— А где же твои стихи? Я думал, ты порадуешь меня хокку? — смеюсь, притормаживая у светофора.

Красный глаз светофора отражается в лобовом стекле, раскрашивая салон алыми всполохами.

Параллельно беру салфетку и тщательно протираю панель. Ненавижу пыль, особенно в тачке — каждая соринка кажется личным оскорблением. Движения размеренные, вдумчивые. В этом маленьком акте порядка — вся моя утренняя медитация.

— Хокку подождут, — ворчит Поэт. — Сейчас бы просто до универа добраться без приключений.

Светофор переключается на зелёный, и я плавно трогаюсь с места.

— Ты в порядке? — спрашиваю, прислушиваясь к хриплому дыханию в динамике. — Голос как у старика.

— Будто ты вчера был образцом трезвости, — хмыкает он. — Просто хреново.

— Ладно, подъезжаю к твоему дому. Выходи.

4 глава

Сатир

Я припарковался у дома Поэта, опустил стекло и втянул носом свежий утренний воздух.

Вдали, за коттеджным посёлком, солнце наконец-то пробилось сквозь сероватую пелену, рассыпав по мокрым тротуарам золотистые блики.

Через пару минут на улицу вывалился Поэт — взлохмаченный, в расстёгнутом пальто, с сумкой, болтающейся на одном плече. Он неуклюже плюхнулся на пассажирское сиденье, шумно выдохнул и прикрыл глаза.

— Ну и видок, — усмехнулся я, оглядывая его с нескрываемым смехом. — Будто тебя вчера не на вечеринке, а на ринге обработали.

— Завались, — пробурчал он, натягивая капюшон худи на глаза. — Голова раскалывается, во рту пустыня Сахара.

Я тронулся с места, плавно вливаясь в поток машин. Радио тихо нашёптывало какую-то мелодию, но я тут же выключил его — сейчас тишина была куда уместнее.

— Слушай, — спустя пару минут заговорил Поэт, чуть приподняв капюшон. — А ты правда не завидуешь Шэру? Ну, их... стабильности что ли?

Я на секунду задумался, глядя на дорогу. Машины впереди неспешно ползли, будто сонные мухи, а я резво лавировал между ними, чувствуя, как руль послушно отзывается на каждое движение.

— О, нет! Я пока не готов к чему-то серьёзному. Свобода важнее выноса мозга.

Поэт хмыкнул, откинул голову на подголовник.

— Свобода... Звучит красиво. А по факту — просто страх перед обязательствами.

— Да похрен, — не стал спорить я. — Мне так комфортно. А ты чего? Что за мысли с похмелья?

Он помолчал, потом тихо произнёс:

— Знаешь... мне давно нравится одна девушка... Ладно, проехали, — не стал он договаривать.

Я покосился на него. Обычно Поэт не был склонен к таким откровениям. Видимо, похмелье и утренняя хандра развязали язык.

— Ты это... не загоняйся, — попытался я подбодрить его. — Может, тебе просто нужно заняться чем-то.

— Может, — вздохнул он. — Только чем? Универ, тусовки, вечно куда-то надо бежать...

Мы въехали на мост. Внизу неспешно текла река, отражая бледное солнце и хмурое небо.

Я притормозил, чтобы полюбоваться видом, и Поэт тоже невольно уставился вниз.

— Красиво, — пробормотал он. — Иногда кажется, что только такие моменты и спасают.

Когда просто стоишь и смотришь, а в голове ни одной мысли.

— Есть одна, — улыбнулся я. — Ссать хочу, — рявкнул я в голос.
 — Придурок, — заржал он вместе со мной.

Мы снова тронулись, и вскоре впереди показались корпуса университета.

— Ну что, идём искать мне занятие? — взбодрился Поэт, выбираясь из тачки.

Я заглушил двигатель и последовал за ним.

Кампус уже оживал: студенты торопились на пары, кто-то болтал у скамеек, а пара ребят с гитарами устроилась на ступеньках главного корпуса.

— Может, в студенческий совет? — предложил я с сарказмом, пока мы шли по аллее.

— В совет? — Поэт скривился. — Угораешь? Это же бумажная волокита и бесконечные собрания. Не моё.

— Тогда спортклуб. Ты же раньше бегал.

— Бегал, — кивнул он. — Но это одно и то же каждый день: круг, ещё круг, язык на плечо, душ. Скучно.

Мы остановились у расписания. Поэт задумчиво водил пальцем по строчкам, будто искал что-то конкретное.

— А как насчёт литературного кружка? — неожиданно для себя предложил я. — Ты же пишешь. Может, там найдёшь таких же тронутых как ты?

— Я тоже тебя люблю дорогой друг! — смеясь придушил меня локтем и растрепал причёску кулаком.

— Твою мать, Поэт! — вырываюсь из его рук, чувствуя, как адреналин пульсирует в висках. — Значит, я в точку попал! — мысленно ликую, а вслух угрожаю над ним, стремительно поднимаясь по лестнице на второй этаж, пока он не догнал меня.

Сердце колотится как бешеное — эта погоня вдруг кажется до абсурда весёлой.

— Я догоню тебя, придурок, и заставлю сочинить поэму! — его голос звучит всё ближе, и я невольно ухмыляюсь.

Ну уж нет, это будет не так-то просто!

Не глядя вперёд, несусь сломя голову — и вдруг с грохотом сшибаю с ног какую-то ботаничку.

Она падает, ударяясь головой о стену. Чёрт, вот это я дал... Но мысль тает в следующий миг: ботанша теряет очки, хватается за голову и жмурится от боли.

— Говорю же, придурок, — с напускным спокойствием констатирует Поэт, уместив локоть на моём плече.

В его голосе слышится смесь упрёка и веселья.

Я не тороплюсь помогать. Её прикид заучки не вызывает ничего, кроме раздражения. Брезгливость сковывает движения — трогать её совершенно не хочется.

Она молча щурится, пытаюсь сфокусировать взгляд. Дрожащие руки нащупывают очки на полу. Линза треснута, дужка криво торчит в сторону. Вот это облом...

— Ну и куда ты смотрела? Не видела, что я иду? — срываюсь на неё, пытаюсь скрыть неловкость за агрессией. — Ах, да, ты же слепощарая.

Ботанша прищуривается, пытаюсь разглядеть меня без очков:

— Из-за тебя сломались очки, — заявляет она, так и не опознав, кто перед ней.

Если бы знала — молчала бы в трубочку, ещё бы сама извинилась.

— Шары разуй, дура! И больше не попадайся мне на глаза, — раздражение вскипает внутри, словно кислота.

— Сатир, ну ты и мудак! Это же девушка, — Поэт протягивает ей руку, и в его голосе звучит веселое осуждение.

Ну вот, опять он со своей моралью...

Ботанша принимает его руку, вставая с пола и держась за больную голову.

— Это ботанша, она даже на девушку не похожа, ты посмотри! — продолжаю опускать её словесно.

— Мудак он и в престижном универе мудак! — выплёвывает эта заготовка под девушку.

Её голос дрожит, но в нём слышится неожиданная твёрдость.

— Вот тут ты права, — ржёт Поэт, кидая в меня победоносный взгляд.

Ну конечно, он на её стороне. Как всегда.

— Да пошли вы! — резко разворачиваюсь и ухожу, чувствуя, как внутри всё кипит.

— А извиниться не пробовал? — доносится мне в спину от убожества с разбитыми очками.

Разворачиваюсь, оглядываю её с ног до головы презрительным взглядом. Серая юбка по колено, белая блузка как у первоклашки, такая же серая жилетка, длинные рыжие волосы, собранные в растрёпанную косу. Весь её вид кричит о нелогичности образа. Как можно так

безвкусно одеваться? Единственное, что её оправдывает – это бренд, дорогой бренд одежды. Но какая безвкусица...

– Извиниться? Перед кем? – моё лицо искажается до дикой неприязни. – Да ты моего мизинца не стоишь, заготовка!

Слова вылетают сами, резкие и беспощадные. Выбесила, сука рыжая!

Мне больше сказать нечего, а видеть, как её зелёные глаза наливаются горькими слезами, мне нафиг не надо. Ухожу, даже не раздумывая.

Поэт что-то возится с ней, а мне уже плевать – я скрываюсь из виду, пытаюсь переключиться. Это просто очередной день. Ничего особенного.

– Сатир, подожди! – раздаётся за спиной женский голос.

Оборачиваюсь без настроения, чтобы послать ко всем чертям. Но это Геля, родная сестра. Её даже если послать она быстро возвращается.

– А, опять ты! Ты мне дома надоела – хоть в универе не показывайся на глаза! – цежу сквозь зубы, едва сдерживая раздражение.

– Ха-ха-ха! – медленно произносит она, скорчив глупую мордашку. Глаза бегают, голос дрожит: – Ты уже знаешь?.. – и тут же обеспокоенно цепляется за мой взгляд, будто ищет в нём подсказку.

– Что знаю?! – вырывается у меня с резким выдохом.

Вот из-за таких, как Геля, мне нафиг не нужны отношения! Говорит «А», а про «Б» забывает – приходится клешнями вытаскивать из неё информацию.

5 глава

Сатир

Геля мнётся, как первоклассница перед первым уроком. Нервно тербит край блузки, опускает глаза, переступает с ноги на ногу.

Где моя смелая сестра? Та, что ещё месяц назад с вызовом заявляла: «Я сама разберусь!» Куда девалась её уверенность, её дерзкая улыбка? Что вообще происходит? Внутри поднимается волна раздражения — и вместе с тем тревожное недоумение.

— Говори уже! — рычу, не сдерживая злости.

Голос звучит грубее, чем хотелось бы, но терпение на исходе. Кажется, меня все решили с утра достать.

— Сегодня ужин с Кельперами. Ты придёшь? Ты pomoжешь мне расторгнуть договор? — смотрит умоляюще, и в её глазах столько надежды, что на секунду сердце сжимается.

Но я тут же отгоняю это чувство. Кто ей виноват?

— Прекращай уже. Ты сама согласилась, и Костян тебе даже нравился. Это просто мандраж. — слова звучат жёстче, чем я планировал, но мне надоело это её настроение, меняющееся каждый день.

— Братик, ну ты же мой родненький, — подмазывается, хитрая лиса. Голос становится мягким, почти мурлыкающим, а в глазах появляется тот самый взгляд, которым она добивалась всего с детства. — Прошу тебя, помоги!

Внутри всё кипит. Хочется рявкнуть: «Свали с глаз моих!» Но вместо этого выдавливаю:

— Гель, отвали. В себе сначала разберись.

Она вздрагивает, губы дрожат, но я уже разворачиваюсь и иду к кабинету. Достало. Всё достало.

Вхожу в кабинет, с грохотом захлопывая дверь. В голове пульсирует мысль: «Что она вообще творит?»

Вспоминаю, что за пара предстоит, и мысленно чертыхаюсь. Девки как пиявки — цепляются, вьются, пытаются вытянуть хоть крупицу внимания.

Выцепляю взглядом самую симпатичную — ту, что с томным взглядом и безупречной причёской. Назначаю встречу на вечер. Просто чтобы отвлечься.

Валька хоть и не отличается умом и сообразительностью, зато с формами у неё всё отлично. Есть что потрогать и чем возбудиться.

Но даже сейчас, думая об этом, чувствую лишь пустоту. Будто всё это — лишь попытка заглушить что-то большее, что-то, что не даёт покоя.

После пары коридор универа гудел, как улей: толпы студентов, хлопанье дверей, обрывки разговоров.

Я шёл с парнями — Шэром и Поэтом. Мы громко ржали над вчерашней историей с преподшей по экономике. Та ещё сука: вечно смотрит свысока, будто мы не люди, а тараканы под микроскопом.

И тут — будто остриём ножа разрежало тишину.

Тонким, мимолетным шлейфом аромат духов забрался в лёгкие. Как будто ветер с реки, в которой мы в детстве любили купаться с Гелей, только теплее. Я даже шаг сбавил. Парни продолжили стебать преподшу, но я уже не слушал.

Ощущение диссонанса налицо. Такой запах не вяжется с этим местом. С нашими кроссовками, запахом пота после пары, с дешёвым кофе из автомата.

Странное тепло в груди. Как в детстве, когда мама пекла пироги, а ты ещё за дверью, но уже чувствуешь по запаху — сейчас будет хорошо.

Так и сейчас. Кажется, стоит выловить хозяйку запаха — и получишь приток резкого адреналина.

Я обернулся.

Никого. Только толпы студентов, спины, рюкзаки. Но запах остался — тянется, как нитка в неизвестном направлении.

Я втянул воздух глубже. Лимон? Нет. Что-то цветочное, но не сладкое, совсем не из дешёвых. Больше похоже на добротный дорогой аромат.

Таковыми обычно пользуются уникальные личности. Не как эта серая масса полураздетых тёлочек.

Откуда в нашем универе такие? Кто-то из новеньких? Надо расспросить отца. Ректор должен знать каждого вновь прибывшего студента.

Я не стал искать глазами хозяйку аромата — знал, что не найду, только вызову подозрение у парней. Вместо этого замедлил шаг, будто разглядываю стенды с объявлениями. Пацаны уже далеко отошли и остановились, чтобы поздороваться с парнями из общей тусовки.

А я, как прикованный, стою, слушаю этот запах. Он слабнет, но не уходит. Как эхо рассеивается по коридору, заставляя меня вдыхать ещё глубже, до головокружения.

В голове набатом бьёт одна мысль: «Кто она?» Обычно всё просто: увидел — заценил — поимел и пошёл дальше. А тут — тишина. Только этот аромат и ощущение, будто кто-то невидимый провёл нежной ладонью по плечу. Легко. Ненавязчиво.

Я достал телефон, сделал вид, что пишу сообщение. На самом деле — просто ждал. Может, она пройдёт обратно? Может, я хоть мельком увижу, кто это. Но коридор уже опустел. Только эхо шагов да запах, который тает, как дым.

Отчаявшись, бросил эту затею и подошёл к парням, всё ещё находясь в каком-то трансе.

— А ты чё такой? На вписку сегодня идёшь? — спрашивает Шершень.

Его слова будто мимо ушей пролетают, не задерживаясь.

— Сатир?! Алё, братан?! — тербит меня за плечо Шэр.

— А, да, иду, конечно, — возвращаюсь на бренную землю из своих мыслей.

Обсудили, у кого соберёмся, кого из тёлочек позовём, чтобы скучно не было, и пошли на следующую пару.

А я шёл и думал: «Кто это был?» Не имя, не внешность — просто запах. Кто-то, кто пахнет не как все. Кто-то, кого я не видел, но уже запомнил.

И самое странное — мне не хотелось об этом говорить. Нет. Это было... личное. Как секрет, который знаешь только ты.

Даже если скажу друзьям, они не поймут, скажут, что черепушкой поехал.

Я сунул руки в карманы и вошёл в аудиторию. Смешанные запахи духов девчонок-одногруппниц даже отдалённо не напоминали тот таинственный аромат.

Скорчил лицо, понимая, что придётся терпеть эту вонь до конца пары, и присел на своё место рядом с Поэтом.

Мой внутренний механизм дал сбой. Брешь пробита в самый неподходящий момент. Нарушилась целостность моей брони.

И до меня дошло. Вечеринка у Шершня, девушка в красном, тот самый аромат.

Я уже понял, что как раньше не будет, но ещё не осознавал, что ждёт меня впереди.

6 глава

Сатир

Вернулся домой после универа — и сразу картина маслом: Геля в режиме «паника-манипуляция, помноженная на тысячу» ходит за мамой по пятам.

Мама деловито накрывает на стол, а сестрёнка трётся рядом и без остановки заливает про то, что быть невестой Кельпера — это утопия.

«Хоть бы помогла по дому, а не ныла про этого Кельпера. Серьёзно, опять одно и то же... Уже мозг вынесла этими разговорами!»

Мама, как гора невозмутимости, продолжает раскладывать приборы. Ни один мускул на лице — полный дзен.

Я мысленно закатил глаза. «Бедный Костян. Представляю, какие приключения его ждут с моей сестрёнкой. Ну-ну... Это будет эпичный трэш, без вариантов».

— Сатир, ну хоть ты маме скажи! — Геля резко разворачивается ко мне, глаза горят недовольством. — Объясни ей, что это всё бред полный, ну реально!

Я, не торопясь, подхожу к столу, хватаю бутер и с лицом «мне всё пофиг» выдаю:

— Сказать что? Что ты — та ещё куропатка? Да это и так всем очевидно.

— Придурок! — визжит Геля и лупит меня кулаком по лопатке так, будто я её главный враг на планете Земля.

Я чуть бутербродом не подавился, закашлялся и бросил на неё взгляд, полный ехидства и нескрываемого троллинга.

— Сынок, не кусочничай, — мама наконец замечает мою голодную физиономию. — Гости скоро придут, поужинаем все вместе.

— Ой, не, ма, без меня. У меня планы, — машу рукой и направляюсь к лестнице, дожёвывая бутер так быстро, будто за мной гонятся. — Там движуха — огонь, а тут что? Очередные смотрины? Это без меня, я на такое не подписывался, честно.

Поднимаюсь по лестнице, слыша, как Геля снова заводится с новой силой:

— Мам, ну ты только послушай!..

Чую, проблем не оберемся — это будет полный хаос. Геля если что задумала, не отступится, это как закон физики. И нахрен было изначально соглашаться? Знает же, что отец своё слово не меняет — у него принцип «сказал — сделал», и всё тут.

А у него с Кельпером ещё и общий бизнес на фоне замужества Гели и Костяна... Труба дело, полный абзац! Это будет не просто история — это будет сериал с тысячей серий, и я точно не хочу быть в главных ролях.

Войдя в комнату, я сразу чувствую: что-то не так. Вроде всё как всегда — те же стены, тот же беспорядок на столе, тот же тусклый свет лампы... Но внутри словно змеёныш шевелится, извивается, не даёт покоя, впрыскивает в кровь едкую каплю тревоги.

В памяти вспыхивает танец с незнакомкой — её движения, взгляд, едва уловимая улыбка. А потом — резкий контраст: аромат её парфюма, который я уловил в универе. Тот самый, неповторимый. Сердце ускоряет ритм: я почти уверен — она снова придёт к Шершню. На этот раз я буду быстрее.

Такие девочки, как она, попадаются редко. Уникальный экземпляр — как алмаз с голубой огранкой. Что там ещё бывает невероятно редким? Единственный в мире цветок, цветущий раз в сто лет?

И то, что она учится в нашем универе, — в этом я уверен. Ещё бы знать, как она выглядит.

Закрываю глаза, и в душе будто вспыхивают невидимые нити, тянущиеся к тому аромату. Я настолько глубоко погружаюсь в воспоминания, что почти ощущаю её присутствие. Воздух становится гуще, насыщеннее, будто пропитан её запахом.

Она становится навязчивым. Навязчивой мелодией, которая звучит в голове даже во сне. И чем быстрее я с ней закончу — по своей обычной схеме, чётко, без лишних эмоций, — тем быстрее забуду. Забуду, как страшный сон. Но пока... пока она здесь, в моих мыслях.

Тщательно подбираю одежду в спортивном стиле. Свободно и дорого. Незнакомка должна быть без ума от меня.

Тороплюсь — надо успеть слить до прихода гостей! Сердце колотится: только бы не пересекаться с этими будущими родственниками... Знаю же, что Геля непременно схитрит — оставит меня в эпицентре этого безумного балагана!

— Пока, семья! Рано не ждите! — бросаю на ходу, проносясь мимо мамы и сестры.

Геля буквально шипит мне вслед, глаза горят от негодования:

— Никакой от тебя поддержки!

Мама, как всегда, не может не проявить заботу. Её голос звучит мягко, но в нём слышится тревога:

— Будь осторожен...

Но мне уже не до семейных драм! Мысли только об одном — успеть к Шершню, не пропустить появление той загадочной незнакомки. Каждая секунда на счету!

7 глава

Сатир

Вечер к чёртям! Она не пришла!

Я всех обошёл. Каждую из девчонок разглядел. Даже аромата её парфюма не услышал. Внутри всё кипело от досады — ну почему именно сегодня, когда я так ждал её появления, она не пришла?

Зато увидел, что у Шершня стоит камера. Он пообещал мне завтра показать всё, что было снято в тот день, когда приходила незнакомка.

Сердце ёкнуло: может, хоть так удастся разглядеть её лицо, уловить движение, понять, куда она исчезла? Но ожидание до завтра казалось невыносимым.

Пришлось торчать на вписке дольше всех, но ничего это не принесло. Каждая минута тянулась как час. Я ловил на себе косые взгляды — видимо, выглядел как полный идиот, отшвыривая от себя девчонок.

Даже Валька, которую я сам пригласил, смотрела на меня щенячьими глазами, пытаюсь подобраться ближе, а я лишь рычал, как загнанный в угол зверь.

Поэт умчался в самый разгар, объяснив, что на него снизошло вдохновение. Типа поехал записывать рифму. Но я-то знаю, что это бред. Для Поэта стихи — как прикрытие его стёба. Наверняка завалился спать, послав всё к чёртям.

Туса и правда оказалась тухлой. Шэр с Печенькой вообще отказались. Один я, как полный идиот, припёрся. В голове крутилось: «Зачем? Ну зачем я сюда пришёл?» Но ответ был очевиден — ради неё. Ради той самой незнакомки, чей образ не выходил из мыслей.

Домой я ехал в задумчивости. Мне не давала покоя незнакомка. Сам момент, как её найти, запускал необратимые процессы в мозгу.

Я перебирал в памяти её черты: лёгкий изгиб губ, прядь волос, упавшую на плечо, едва уловимый аромат... Кто она? Откуда? Почему исчезает так внезапно? Вопросы множились, а ответов не было.

В темноте салона машины мои мысли становились всё громче. Завтра — камера Шершня. Может, это шанс. А может, ещё одна пустая надежда. Но я готов хвататься за любую ниточку, лишь бы снова увидеть её. Лишь бы понять, что это не игра воображения, что она реальна.

Вот это меня торкнуло — аж внутри всё перевернулось! Сам себя не узнаю, честно говоря... Но я привык получать то, чего хочу — или кого хочу. Печенька не в счёт, конечно: у друзей девушек не увожу, не совсем же я скотина, в конце концов!

До дома добрался буквально в два счёта. Пока ворота медленно разъезжались в стороны, краем глаза заметил сестрёнку — она шла по тёмному тротуару, чуть ссутулившись.

Вот это поворот! И где её, спрашивается, носило в такой час? Неужели с Костяном?.. В голове сразу рой мыслей: что они делали, почему так поздно, всё ли в порядке...

От неё можно ожидать чего угодно, особенно после того, что я видел, как она умоляла маму отговорить отца от договорной свадьбы.

Чем она думала, когда соглашалась? Явно не головой, жопой! Разрулить будет непросто. И всегда остаётся шанс, что Геля успокоится и примет эту ситуацию.

— Где шлялась? — выкрикиваю из окна тачки, осматривая её чуть помятый видок.

Зыркает на меня так, будто я ей ногу оттоптал:

— Где надо! Не твоё дело. — Нырять во двор перед тачкой и спешит домой.

Ладно, не моё так не моё. Пусть сама разгребает.

Ставлю машину в гараж, иду домой — и сразу заваливаюсь спать. Внутри — пустота, тяжёлая, давящая. Не хочу ни о чём думать, ни к чему прикасаться мыслями. Просто вырубиться — вот единственный, самый желанный, самый спасительный вариант.

Погружаюсь в тяжёлый, мрачный сон. Он обволакивает меня, словно вязкий, тягучий кисель, заполняет каждую клеточку, не оставляя просвета. Ощущения размываются, время теряет смысл — только эта густая, непроницаемая тьма.

И вдруг — резкий переход. Я стою перед дверью универа. За ней — новогодний маскарад, я знаю это наверняка. В груди расцветает трепетное предвкушение: сегодня будет что-то особенное, яркое, волшебное.

И главное — она будет там, внутри. Мысль об этом бьёт тёплым током, разгоняет остатки сонливой тяжести, зажигает в душе яркий, неугасимый огонёк надежды.

Вхожу в зал, и меня мгновенно окутывает волна музыки, переливов огней и шёпота масок.

Новогодний маскарадный бал — словно другая реальность: повсюду бархатные ленты, серебряные снежинки, мерцающие гирлянды. Я медленно прохаживаюсь между парами, чувствуя себя немного потерянным в этом вихре красок.

И вдруг — она.

Стоит у окна, залитая лунным светом. Струящиеся волосы переливаются, словно пламя, льются по плечам, контрастируя с глубоким красным платьем. Маска скрывает лицо, но что-то в её позе, в лёгком повороте головы кажется знакомым. Я замер, сердце забилося чаще.

Я подошёл ближе, и она, будто почувствовав мой взгляд, обернулась.

В полумраке зала её глаза за маской казались бездонными озёрами тайны. Аромат жасмина и лимона стал ощутимее — теперь он смешивался с едва уловимым шлейфом её присутствия, создавая гипнотическую симфонию запахов. Каждое биение сердца отдавалось в висках, словно отсчитывая мгновения, приближавшие меня к разгадке.

Она слегка наклонила голову, и лунный свет выхватил из полумрака изящный изгиб её шеи. Что-то в этом движении пронзительно отозвалось в памяти — будто далёкий отголосок забытой мелодии, пытающейся пробиться сквозь толщу времени.

Я сделал ещё шаг, и пространство между нами словно наэлектризовалось. Хотелось заговорить, но слова застряли в горле, уступив место немому диалогу взглядов.

Её губы дрогнули в полуулыбке — то ли узнавание, то ли игра. А аромат... он становился всё насыщеннее, обволакивая нас обоих, сплетаясь с теплом нарастающего волнения.

Время потеряло смысл. Осталась только она — загадочная незнакомка в красном, её маска, скрывающая тайну, и этот опьяняющий аромат, который, казалось, навсегда отпечатался в моей памяти.

— Потанцуем, незнакомка? — Голос прозвучал тише, чем я ожидал.

Она молча кивнула, и мы влились в медленный танец. Её рука в моей — тёплая, настоящая. Я пытался разглядеть черты сквозь прорези маски, но видел лишь отблески глаз, таинственных и знакомых.

— Я искал тебя, — прошептал я, не зная, откуда взялись эти слова.

Она чуть улыбнулась — или мне показалось?

— Иногда мы находим то, что ищем, именно тогда, когда решаем довериться судьбе, — её голос такой мягкий, с лёгкой хрипотцой, которую я уже где-то слышал.

Мы кружились, и время растворялось в музыке. Я хотел спросить, кто она, где мы могли встретиться раньше, но боялся разрушить мгновение. Лишь крепче сжимал её руку, словно пытаюсь запомнить каждое ощущение.

Вдруг музыка стала тише, огни померкли. Я посмотрел на неё — и увидел, как её образ начинает расплываться, словно туман.

— Нет, подожди! — Я потянулся к ней, но пальцы схватили лишь воздух.

Я снова её упустил! Снова не успел!

Проснулся с ощущением, что что-то важное ускользнуло. В памяти — лишь красное платье и шёпот: «Иногда мы находим то, что ищем...»

Я лежал в темноте, пытаясь уловить остатки сна, запомнить голос и найти в реальной жизни.

Аромат до сих пор будоражил моё сознание, будто это был не сон, будто она была рядом в этот момент.

8 глава

Сатир

Пары тянулись бесконечно. Казалось, время испытывает меня на прочность. Ведь я был уверен на сто процентов, что камеры Шершня помогут мне найти незнакомку.

Как максимум — её лицо должно было засветиться, как минимум — круг её общения на вечеринке должен знать её.

Я буквально сгорал от нетерпения: ну когда эти идиотские лекции закончатся?! Каждый взгляд на часы только усиливал ощущение, что стрелка застряла на месте.

В голове крутились тысячи сценариев: вот я нахожу её, подхожу, говорю что-то томное (ну, по крайней мере, не совсем дурацкое), а она улыбается и отвечает... А потом что? Блин, даже представить не могу, чем это всё закончится. Но одно знаю точно — не успокоюсь, пока не найду.

Телефон то и дело хватаю со стола — вдруг уже есть новости? Но нет, тишина. Ощущение, будто я в режиме ожидания уже целую вечность.

Ладно, ещё пара часов — и я наконец-то смогу заняться делом. А пока... терпеть. Ну или хотя бы попытаться.

Ещё в голове нон-стоп гремит её голос из сна — будто трек, который заело на повторе. Он вообще реальный или моё подсознание просто включило режим «создай идеальную иллюзию» и озвучило его, чтобы я окончательно поплыл от этой незнакомки?

Мне реально плохо: она превратилась в какое-то наваждение, липнет к сознанию, как надоедливый вирус. И ведь это всё мои внутренние законы — абсолютно лишние, ненужные, но я, как лох, ведусь на эту дичь.

Ну серьёзно, зачем мне эта головная боль? А всё равно не могу выкинуть её из головы — будто она там прописалась без разрешения.

Перед последней парой мы болтались по загруженным коридорам универа — толпа, шум, хаос, кайф. И вдруг — бац!

Лёгкое прикосновение к плечу. Аромат незнакомки пронёсся, как невидимка: шлейф жасмина и дерзкой свободы, а потом — херак! Растаял без следа.

Я замер, будто в меня токомшибануло. Вместо того чтобы обернуться — стою как вкопанный.

Сердце колотится: «Ну давай, повернись, не тормози!» Но нет, я в ступоре, весь на взводе, в предвкушении этого безумного неизвестного.

— Сатир, твою мать, ты вообще меня слушал?! — орёт Шэр, пихая меня в плечо. — Я тут тебе про жизнь рассказываю, а ты в облаках виснешь!

Резко оборачиваюсь — и пусто. В толпе, что катится сзади, нет ни единого силуэта, за который можно зацепиться взглядом.

Аромат тает в воздухе со скоростью света: ещё секунда — и от него не осталось ни следа.

Чёрт! Опять не успел. Она либо растворилась в этой толпе, либо специально слиняла — будто знала, что я обернусь.

Это уже начинает походить на какую-то безумную игру в «поймай меня, если сможешь». Она что, реально троллит меня?

Или это моя фантазия устроила дикий перформанс на пустом месте? Мозг будто кричит: «Да ну брось, не может быть, чтобы кто-то так тонко играл!» А сердце: «А вдруг?..»

— Сатир! — ладонь Шэра впечатывается в моё плечо, вырывая из вихря мыслей. — Ты в порядке, братан?

В его голосе сплошные вопросительные знаки, он явно не въезжает, что со мной творится.

— Да всё норм, идём, — отмахиваюсь, стараясь выглядеть невозмутимым. — Просто показалось, фигня какая-то.

Внутри же — полный хаос. Эта невидимая игра только началась, и я уже в неё втянут по самые уши.

Наконец Шершень сигналил на телефон, что едет домой. Снимет записи, пока будет меня ждать.

Сердце колотится, как бешеное. «Ну давай же, Шершень, шевелись!» Каждая секунда тянется, будто резиновая. В голове уже рисуются картинки, как я наконец-то вижу её лицо.

Смеюсь про себя. Ага, конечно. Если бы всё было так просто, я бы уже давно её нашёл. Но нет, эта девчонка будто призрак — появляется, дразнит и исчезает, оставляя только шлейф аромата и кучу вопросов.

Выхожу из универа, вдыхаю прохладный воздух. «Так, спокойно. Сейчас приеду, посмотрим записи, и всё встанет на свои места».

Но внутри всё равно будто тысяча бабочек бьётся в клетке. Что, если на записях её не будет? Что, если это всё просто игра моего воображения?

Телефон вибрирует — сообщение от Шершня:

«Дома. Записи грузятся. Заезжай».

Да! Наконец-то! Ухожу с пары, не смотря на выкрики препода. Срать!

Запрыгиваю в тачку, быстро мчу к дому Шершня. Я, наверное, выгляжу как псих, который то и дело смотрит на экран телефона. Но мне плевать. Сейчас всё зависит от этих записей.

Пока еду, снова и снова прокручиваю в голове тот момент в коридоре. Прикосновение, аромат...

Может, мне и правда показалось? Может, это просто чья-то рука, чей-то парфюм? Но нет, я точно знаю — это была она.

Торможу у дома приятеля — сердце колотится, как после стометровки. Выскакиваю из тачки, аж ладони потеют: сейчас-то всё и выясню.

— Смотрел?! — лечу к Шершню с порога, аж дыхание сбивается.

— Не-а, тебя ждал, — хмыкает он, захлопывая дверь. — Чай будешь?

— Да какой чай, блин! — цыкаю, закатывая глаза. — Давай уже, не тяни кота за хвост!

Мы идём к большому экрану. Я аж подпрыгиваю от нетерпения, пока Шершень копается с пультом.

Плюхаюсь в кресло, облокачиваюсь на колени, начинаю барабанить пятками по полу — нервы на пределе. Пальцы влажные, будто я не видео смотреть пришёл, а на кастинг.

— Ты мне так и не ответил, зачем тебе это видео с камеры? — косится на меня Шершень, плюхаясь в соседнее кресло.

— Серьёзно? Тебе прям жизненно важно знать? — фыркаю, не отрывая взгляда от экрана. — Мотай уже, а!

Шершень запускает медленную перемотку, а я впираюсь глазами в кадры. Цвета одежды, силуэты — пытаюсь выцепить хоть что-то.

Не вижу её. То ли кто-то постоянно загораживает, то ли её ещё нет в кадре.

И тут — бац!

— СТОП! — рывком подаюсь вперёд, чуть не свалившись с кресла.

Вглядываюсь, но пока ноль информации. Она будто из ниоткуда вываливается в толпу танцующих.

— Медленнее мотай, ну! — рывком пытаюсь ухватить хоть детальку в её образе.

Кадр за кадром — она танцует спиной к камере, ни разу не повернув головы. Ну что за непуха!

И вдруг — оп! Свет врзается в её волосы, и я аж дыхание задерживаю.

Рыжие! Ярко-рыжие, как пламя, как сигнальная ракета в ночи!

— Ну хоть что-то! — выдыхаю, чувствуя, как внутри всё ликует.
— Ты девку что ли ищешь? — Шершень косится на меня, и в глазах — чистый стёб. — Сатир, ты чё, угораешь? Я тебя не узнаю, братан! — ржёт, как конь, а мне вообще не до смеха.
— Мотай, не тормози! — взрываюсь, аж кулаки сжимаются.
— Ой, всё, не бузи, ща-ща... — тянет он, снова тыкая в пульт.
Я будто снова там, в том моменте. Сердце скачет, как бешеное, пульс — как у марафонца на финише. Даже аромат её волос будто носом чую — сумасшедший, пьянящий.
Но дальше — тишина. Она просто уходит, даже не обернувшись.
— Ну и?.. — Шершень смотрит на меня, приподняв бровь. — И чё дальше?
— Дальше? — сжимаю кулаки, чувствуя, как закипает кровь. — Дальше ты мне сделаешь фотку с экрана.

Сегодня финал книги Мажор? Иди лесом! (Книга про Шэра)

Завтра книга подорожает, успевайте!

<https://litnet.com/shrt/o9Ns>

9 глава

Сатир

Взбудораженный до дрожи, я помчался домой и тут же вцепился в телефон — будто от этого зависела моя жизнь! Круг подозреваемых схлопнулся, как проколотый шарик: рыжих в универе — раз-два и обчёлся, а уж таких огненных, сочных — вообще единицы.

Рывком открываю чаты универа и начинаю шерстить аватарки. Прокручиваю список, прищуриваюсь, вглядываюсь в каждую картинку так, будто от этого зависит судьба вселенной.

Рыжие волосы — это, блин, настоящая экзотика. Девчонки, конечно, обожают ставить на аватарки себя — непременно в самых «убийственных» ракурсах, в этих их кружочках.

Но тут меня ждёт облом: львиная доля аватарок — какой-то космический хаос: мемы, цветы, сердечки и прочая невнятная чухня. Серьёзно? Это вообще не то, на что я рассчитывал!

Продолжаю методично пролистывать профили — скроллю так, что пальцы в хлам. Время от времени зумирую картинки, чтобы разглядеть детали: ну а как ещё понять, моя это рыжая бестия или нет?

Из всей этой безумной толпы отыскал только трёх рыжих. Но, блин, не те — не такие огненные, как надо. Впрочем, эти девчонки любят перекрашиваться чаще, чем носки менять. Ну их, думать об этом некогда!

Решаю не тормозить и сразу в бой: открываю личку каждой из трёх красоток, кидаю фото с вписки и пишу с налётом загадочности:

«Это ты?»

И, конечно же! Каждая из этих куриц отвечает:

«Да, это я!»

Серьёзно?!

Отшвыриваю телефон, откидываюсь на спинку кресла и пялюсь в потолок. В голове — полный хаос, будто там ураган пронёсся. Как, ну как теперь разобраться, кто из них моя рыжая?!

Встаю, начинаю нервно нарезать круги по комнате, тереблю волосы, будто от этого до меня дойдёт тайна вселенной. Мозг кипит, но ни одной толковой мысли.

И чё-то прям нутром чую: моя точно не стала бы признаваться. Не просто так она слиняла и завернулась в этот свой туман из тайн. Но я не из тех, кто ждёт у моря погоды.

Решаю: встречаюсь сразу с тремя. Ждать до завтра? Да ну на фиг! Звоню, назначаю встречу в кафешке возле дома — через час, точка.

Чтобы не прозябать в бездействии, достаю левую симку, швыряю в чат универа фотку и с ухмылкой строчу: «Отзовись, незнакомка».

По-идиотски? Абсолютно! Но мне реально похер. Себя на фотке затёр, чтоб никто не просёк, кто автор этого цирка.

Отправляю сообщение — и понеслось! В чате такое бурление началось, будто бомбу кинул.

Естественно, остроумные корешки взорвались смехом — ржали так, что стены тряслись. Стеба было столько, что лезть туда с комментариями — чистое самоубийство.

Час уже на исходе — я быстро собрался и слинял из дома.

Захожу в кафешку, сканирую обстановку — и сразу ясно: ни одна из этой троицы не тянет на мою незнакомку.

Первая — пышка не в моём вкусе, вторая — с лицом, как у лошади из мультика, а третья вообще с этой дурацкой карешкой, будто из нулевых вернулась.

Медленно обвожу взглядом каждую, делаю круг вокруг столика, разворачиваюсь и чеканю шаг к выходу.

Время — деньги, а тут явно не мой лот. Не стал разводить сопли, свалил без лишних слов. Уже на улице хладнокровно заблокил всех троих — знаю я этих куриц: начнут писать, названивать, устраивать драмы. Нахрен надо, у меня и без этого жизнь — говно!

Не успел и шагу в дом сделать — Геля как метеор вылетела, будто из пушки выстрелила, и вмазала тяжёлой дверью прямо в лоб!

— А-а-а, блин! Сука, прибью! — заорал я, хватаясь за шишак, который вздулся моментально, будто рог у единорога. — Ты чё творишь, дура?!

— Ой-ой-ой, прости-прости, я не специально! — затараторила она, глаза круглые, как два пятака. — Пошли скорее на кухню, ну давай же! — Схватила меня за руку, будто я сбегать собираюсь, и потащила, как буксир.

— Надо приложить холодное, срочно! — Нырять в морозилку, шуршит там, как белка в дупле, и выхватывает целую замороженную курицу, будто это не курица, а священный грааль.

— На, приложи! — И хрясь! — Со всей дури треснула этой ледяной тушкой прямо по лбу.

— Ты издеваешься?! — взвыл я, отпрыгивая, как ошпаренный. — Твою мать, Геля! — шиплю на неё, перехватывая эту курицу и прижимая к пульсирующей шишке. — Прибить тебя мало! Ты когда-нибудь будешь смотреть, куда несёшься, идиотка?! — взрываюсь, голос дрожит от злости.

— Да откуда я знала, что ты прямо возле двери торчишь?! — отмазывается она, вскидывая руки.

— Идиотка! — вырывается у меня, и я даже не пытаюсь фильтровать базар.

— Да пошёл ты, придурок! — фыркает она, дёргается резко, будто её током ударило, и шагает к выходу, задирая нос. — Ему помочь хочешь, а он, как всегда, только гавкает! Ну и сиди тут со своей шишкой, долбонавт!

Я уже не слушал, что она там бубнит, — телефон вдруг вибрирует, и я вижу это странное сообщение от номера без авы:

«Не ищи меня».

Замираю. Сердце пропускает удар, будто я на американских горках сорвался вниз. Перечитываю эти три слова раз, потом ещё раз, будто они на другом языке написаны. Пальцы чуть подрагивают, словно по ним ток пустили.

Вот тут мой пульс просто вырубается на секунду, а потом срывается в дикий галоп, будто я стометровку бегу. В голове только одно: это она. На каком-то животном уровне, без всяких доказательств, просто знаю.

Глаза приклеены к экрану. Снова и снова прокручиваю её слова, будто они закодированы, и если вчитаться — раскроется тайный смысл.

Рука висит над экраном, но нажать боюсь. А что, если... Что, если я всё-таки выцеплю инфу по этому номеру? Что это даст? Найду ли я хоть что-то, или это будет как искать иголку в стоге сена?

Внутри всё сжимается от этой мысли — будто стою на краю пропасти и не знаю, прыгать или отступить.

Сажусь на стул, будто меня подкосило, кладу телефон перед собой, как бомбу замедленного действия. Закрываю глаза, пытаюсь собрать мысли в кучу — а они разбегаются, как тараканы при свете.

В голове — полный хаос, миллион вариантов, но ни один не кажется правильным.

«Пиши что-нибудь!» — орёт внутренний голос. Да пишу я, пишу, только всё не то!

Я должен выдать такой ответ, чтобы она не смогла промолчать. Чтобы зацепить её за живое, встряхнуть, заставить ответить.

Не просто «ок» или «понятно», а чтобы развернулась на сто восемьдесят и пошла со мной в диалог. Хотя так, через эти чёртовы сообщения — уже победа.

Руки потеют, сердце колотится, как после стометровки. «Ну давай, придумай что-то стоящее!» — мысленно пинаю себя.

Один неверный шаг — и она снова исчезнет. А я не могу этого допустить. Надо выжать максимум из этих ста шестидесяти символов. Сейчас или никогда.

10 глава

Сатир

Я набираю воздух в грудь, будто перед прыжком в ледяную воду, и начинаю печатать. Набираю текст — стираю, набираю и снова стираю, и так раз пять.
 В голове — полный хаос, но я обязан что-то придумать. Без вариантов!
 Наконец до меня доходит. Если играет она, значит, я разверну эту игру в свою пользу — и выиграю.
 Печатаю без тени сомнения, с холодным расчётом:
 «Я знаю, кто ты!»
 Она должна среагировать!
 Понятно, что я блефую по полной. Но она-то будет думать, что я в теме. Иначе я вообще ни черта не смыслю в этих девчачьих загадках.
 Отправляю. Смотрю на экран так напряжённо, будто он сейчас взорвётся или испепелит меня взглядом. Секунды тянутся, как жвачка, которую никак не разорвать.
 Вдруг телефон вибрирует. Сердце подскакивает к горлу, будто хочет выпрыгнуть.
 «А я думала, что до тебя никогда не дойдёт».
 Губы сами растягиваются в хищной ухмылке. Попалась! Она отвечает. Значит, я её зацепил — и крепко.
 «Считаешь меня тупым качком?»
 Пауза. Долгая. Невыносимая.
 Экран загорается снова:
 «Не то чтобы...»
 Ну, такого стеба в мой адрес ещё не было. Но ей, ладно, прощается — пока. Сначала я утолю свою жажду интриги, а потом... потом поплатится за свои игры. Не она первая, не она последняя.
 Пока интерес держится на острие ножа — на этой неизвестности и острых ощущениях. А потом он растает, как дым на ветру.
 «Понял. Давай встретимся и узнаем друг друга поближе?»
 Молчание. Долгое, густое, как ночной туман. Я почти слышу, как она думает. Взвешивает. Решает.
 Наконец — три точки. Они пляшут на экране, будто нервные импульсы, бьющие в такт моему сердцу.
 «Хорошо. Завтра. В шесть. У фонтана в парке. Не дай мне пожалеть о своём решении».
 Я выдыхаю так, будто держал дыхание целый час. А это оказалось не так сложно, как мне казалось. Девчонка сговорчивая — просто не знала, что я её ищу.
 Супер!
 Адреналин бьёт так, что аж искры из глаз. Надо куда-то это выплеснуть.
 «Буду там. В шесть».
 Откладываю телефон, но не могу оторвать от него взгляд. В голове — вихрь, торнадо, ураган эмоций.
 Подхожу к перекладине и делаю несколько подходов. Энергия уходит в мышцы, эмоции оседают в ожидании завтрашнего вечера.
 Мне реально стало легче, будто тяжёлый груз свалился с плеч. По нашей переписке я понял: с ней будет несложно.
 Поэтому, абсолютно расслабленный, спускаюсь вниз, чтобы поужинать и рвануть в бассейн.
 На вечеринку? Не, не хочу. Там скучно и однообразно — будто в зомби-апокалипсисе, только без экшена.
 Дорога до бассейна занимает около получаса. Всё это время я еду как на иголках. Ожидаю завтрашнего дня, как манны небесной. Руки чешутся, ноги нервно подрагивают.
 Эйфория в башке — нереальная. Будто моя самая заветная мечта вот-вот осуществится. Как идиот, честное слово. Но мне по кайфу.
 Я захожу в бассейн, вдыхаю влажный хлорированный воздух — он всегда действует на меня как успокоительное.
 Разминаю плечи, оглядываюсь: в это время тут почти пусто, только пара человек мерно рассекают воду в дальнем углу.
 Направляюсь к средней дорожке, скидываю полотенце, делаю пробный заход в воду. Прохладная гладь обнимает тело, смывая остатки напряжения.
 Начинаю плавный кроль, отсчитывая гребки, позволяя ритму движений упорядочить мысли.
 На третьем круге замечаю девчонку. Лицо знакомое, но не могу вспомнить, где я её видел.
 Она появляется у противоположного бортика — в голубой плавательной шапке и лаконичном чёрном купальнике. Двигается уверенно, с правильной техникой, будто скользит сквозь воду без усилий.
 Может, здесь и видел, только внимания не обращал?
 Я замедляюсь, придерживаясь за разделительный канат, и невольно засматриваюсь.
 Даже сквозь капли на очках её лицо кажется мне до странности знакомым — тонкие черты, сосредоточенный взгляд, лёгкая складка между бровей. Милое. Слишком милое для моего нынешнего состояния душевного хаоса.
 Она завершает дистанцию

и поворачивается к бортику — как раз в мою сторону. Наши взгляды встречаются. На долю секунды мне кажется, что она узнаёт меня, но тут же отворачивается, поправляет очки и начинает новый круг.
Её реакция настораживает. Какого чёрта в последнее время происходит? Может, я стал слишком внимателен к чужой реакции?
Я отталкиваюсь от бортика и плыву следом, держа дистанцию. Зачем? Сам не знаю. Но что-то тянет проследить за ней.
Она заканчивает заплыв, снимает очки, потирает подушечками пальцев кожу под глазами.
Я замираю у бортика, не решаясь приблизиться. Вода стекает по лицу, мешая разглядеть детали, но я всё равно вижу — она улыбается. Не мне. Просто так. Сама по себе. И от этой улыбки внутри что-то переворачивается.
Собираюсь с духом, отталкиваюсь и плыву к её бортику. Но в тот момент, когда я уже готов вынырнуть рядом с ней, она берёт полотенце, бросает взгляд на часы и быстро направляется к выходу.
Остаюсь в воде, глядя ей вслед. Красивая фигура будоражит сознание. Слишком идеальная. Ни одного изъяна. Тонкая талия, длинные красивые ноги и попка — орешек. Ну и где мы могли встречаться?
Не трахались точно. Такую бы я запомнил.
Вот и отвлёкся. Теперь незнакомка не такая уж и желанная. Всё-таки рано мне остепеняться. Пусть Поэт сам грезит об одной единственной.
—————

Как думаете, состоится встреча?

11 глава

Сатир

– Если друг оказался вдруг? Что делать заскучавшему Поэту? – догоняет меня стихоплюй в дверях универа.

– И тебе не хворать, – протягиваю руку, стараясь не закатыть глаза.

Поэт смотрит с подозрением, но сжимает ладонь так, будто хочет выжать из неё всю душу.

– А я ведь серьёзно, Сатир! Рассказывай, где пропадаешь? Забросил меня совсем. А ведь у меня тонкая натура, могу обидеться – и всё, пиши пропало! – пытается надавить на жалость, размахивая руками.

– Поэт, а ведь ты нормальный. Можешь без этой дичи разговаривать? Меня твои дебильные стихи достали, – накидываю ему тему, стараясь сохранить остатки терпения.

– Не переводи стрелки, чувак! Ты мне не нравишься. Мутный ты какой-то стал, будто подменили, – хмурится, брови сходятся на переносице в одну монобровь.

– Давай не сейчас, окей? Если всё срастётся, завтра расскажу, – решаю, что надо хоть с кем-то поделиться, а то меня порвёт на молекулы.

Заходим в аудиторию, плюхаемся по местам.

– Мальчишки, у меня сегодня хата свободная! – подсаживается к нам главная по членам Инка, глаза сверкают, как неоновые вывески. – С вас разговорная вода, а с меня – полный дом девочек! – стреляет глазами то в меня, то в Поэта, будто прицеливается.

Друг реагирует нейтрально, как и я. Но если у меня уже есть планы, то что с Поэтом?

– Сегодня без меня, – отвечаю скучающим голосом, мысленно уже там – у фонтана, в шесть вечера.

– И без меня, – разводит руками Поэт, будто сдаёт позиции на поле боя.

– Вы серьёзно?! – смотрит на нас, округлив глаза, будто видит впервые. – Вы же ни одной тусы не пропускаете, че за дела?! – повышает голос от удивления, аж эхо по аудитории.

– Ну прикинь, стареем, – ухмыляюсь я, думая лишь о рыжей.

Внутри всё горит, как на пожарище.

– Вы чего?! Последний курс, надо отрываться по полной! Потом экзамены, и не до вечера будет, че вы как неродные?! – такие себе попытки переубедить нас, будто уговаривает двух упрямых баранов.

– Пора, красавица, очнись. Нам пофиг на твои законы. Свали-ка с парты нашей поскорей, – отвечает Поэт в своём любимом стёбностихотворном стиле, ухмыляясь, как кот, который только что слопал сметану.

– Да пошли вы! Шершню предложу, вы совсем сдулись! – резко подрывается и валит на своё место, аж дышать легче стало без её приторных духов.

Вообще похрен. Поэт правильно сделал – «побрил» эту пиявку на раз-два.

Пары наконец-то закончились. Мы вываливаемся из универа – я, Поэт и Шэр, который припёрся только ко второй паре. Видите ли, пришлось съездить с утра на работу и только потом на учёбу.

Тут и я задумался. Может, пора найти подработку? Отцовские бабки – хорошо, но свои лучше.

Мысли развеялись, как только я увидел прямо перед нами эту ботаншу. Ту самую, которую я с ног сбил.

Стоит, книжки в обнимку держит, смотрит на нас поверх очков с таким видом, будто весь мир ей должен.

Поэт, как всегда, первым в бой:

– О, привет! Как жизнь книжная? – улыбается во весь рот, будто они сто лет знакомы.

Ботанша вскидывает бровь, но не тушуетя:

– Жизнь кипит, пока некоторые спят на парах, – кивает в сторону засыпанного Шэра; он умудрился выпасться на последней паре.

Хоть и в очках, а взгляд цепкий. Подмечает каждую мелочь, которую обычный студент не заметил бы.

И всё равно эти очки искажают её глаза. Да там линзы толстенные, как у моей бабки.

Поэт заливается хохотом. Шэр хмыкает, явно оценив остроту.

А я стою в стороне и чувствую, как внутри всё закипает. Какого чёрта она так легко с ним перешучивается? Будто они сто лет друг друга знают.

– Ого, да ты огонь! – продолжает Поэт. – Может, кофе попьём? Я знаю одну кафешку неподалёку, там варят такой напиток, после которого даже Сатир начнёт улыбаться.

Она смеётся, а я замечаю несвойственную для ботанш белизну зубов:

– Если Сатир начнёт улыбаться, мир точно рухнет. Но за предложение спасибо. Может, как-нибудь.

Откуда у неё такая уверенность в себе? Такие, как она, сопят в трубочку и убегают, краснея, от внимания парней.

Я не выдерживаю:

– Ну-ну, «как-нибудь», – фыркаю, скрещивая руки на груди. – Можно подумать, тебя каждый день в кафе приглашают.

Она поворачивается ко мне, взгляд – лёд:

– А ты у нас, видимо, всё ещё ждёшь, что я брошусь тебе на шею с благодарностями за то, что чуть не устроил мне сотряс?

Поэт хлопает меня по плечу:

– Сатир, расслабься. Видишь, человек умеет за себя постоять. Это круто.

Это какой-то сюр!

– Круто, – цежу сквозь зубы. – Очень интересный экземпляр. – задумываюсь я, разглядывая застиранную блузку и явный контраст ухоженных рук.

Ботаничка пожимает плечами:

– То же самое могу сказать и про тебя. С виду нормальный парень, но язык у тебя и дела поганые.

Вот это храбрая ботанша! Да какого...

Шэр не выдерживает:

– Ладно, ребяташки, прекращаем пикировку. Пойдём уже? У меня уже кишка кишке бьёт по бошке.

У меня говно внутри закипает. Так и хочется заткнуть её красным словцом.

Поэт подмигивает ботанше:

– Если вдруг передумаешь насчёт кофе – знаешь, где меня найти.

Она улыбается – на этот раз как-то теплее – и кивает.

Парни идут вперёд, а я резко перехватываю очкастую за локоть, наклоняюсь к её уху и цежу сквозь зубы с ледяной яростью:

– Язык свой в жопу себе засунь, когда со мной разговариваешь! – отпихиваю её от себя, как прокажённую, и, не оглядываясь, шагаю следом за парнями.

Внутри ворочается что-то мерзкое, противное, будто змея в груди шипит. И вдруг – ветерок доносит до меня тот самый аромат жасмина. Лёгкий, дерзкий, будоражащий до дрожи.

Стопорюсь на полпути, словно в транс впадаю. Сознание будто взрывается: кровь по венам бьёт пульсацией, в ушах шумит, а в голове – полный хаос.

«Это вообще нормально?!» – мелькает мысль. Но дух вышибает так, что дышать тяжело.

Резко оборачиваюсь, глаза мечутся по толпе – ищу рыжих. Ни одной. Очкастая не в счёт: её волосы такие тусклые, что хрен поймёшь – рыжая она или русая.

– Я тебя на поводке буду водить. Сатир, ты чего? Реально сыкотно, когда ты пустыми глазами по толпе рыщешь, – тянет Поэт, косясь на меня с недоумением.

– Отвали! – коротко рявкаю, заряжаю ему ладонью удар в плечо и, не дожидаясь ответа, топаю к тачке.

Меня уже конкретно начинает накрывать. До нашей встречи час! Если не свихнусь по дороге, то хоть до фонтана доберусь.

Сегодня скидки на многие мои книги. Успевайте!

<https://litnet.com/shrt/g7Zh>

12 глава

Сатир

Фантанировать мечтами возле фонтана — не самая лучшая идея. Я бы сказал, больше похоже на тавтологию, но в моём случае — крошечный идиотизм.

И как я мог повестись на этот чёртов развод, в котором подвохов была гора и куча маленьких кочек?

По десятому кругу обхожу нефункционирующий фонтан. Да как бы ни хрена не тепло — минус пять точно есть на улице. Ветер пронизывает до костей, заставляя ёжиться и втягивать голову в плечи. Каждый выдох превращается в маленькое облачко пара, которое тут же рассеивается в морозном воздухе.

А рыжая, видимо, решила меня продинамить и сорваться с крючка. Пятое сообщение улетает от меня, приземляясь в пустом пространстве.

Она даже не читает!

Экран смартфона безжалостно отображает «доставлено», но не «прочитано».

В последнее время мне кажется, что из меня целенаправленно делают лоха.

Где я, сука, свернул не туда?

Знал же, что пропастиной пахнет, что за девками бегать — себя не уважать. А в итоге что?

Придурок я! Вот что!

Злость подогревает изнутри, пульсирует в висках, разгоняет кровь. Не даёт замёрзнуть. Ощущаю, как кулаки непроизвольно сжимаются, а челюсти стискиваются так, что зубы ноют.

Даю ей пять минут и ухожу. Озираюсь по сторонам — прохожие пялятся на меня. Я чувствую, как они тихо посмеиваются надо мной, перешёптываются, и не могу этого стерпеть.

В их взглядах читается нескрываемое любопытство, будто я — главный герой нелепого спектакля.

Отправляю последнее гневное сообщение, уже шестое:

«Да пошла ты!»

Со психом срываюсь с места и иду по тропинке к тачке. Пинаю со всей дури крышку, попавшуюся по дороге, она с грохотом врезается в начищенные до блеска сапожки на длинных каблуках.

Поднимаю глаза выше: ноги ничошные, только немного худоваты, обтянутые капроном, который едва сдерживает натиск мороза.

И как ей не холодно?

Короткая юбка скрывает лишь область паха — ну, переборщил, чуть ниже. Короткая белая шубка и яркие, сочные рыжие волосы, разлетающиеся по плечам, словно пламя на ветру.

Сердце замирает, как перед последним решающим боем. В глазах уже рябит, а если подниму их выше, кажется, совсем сердце остановится. Выдыхаю, будто в омут с головой ныряю.

Поднимаю глаза выше — на ярко-красные пухлые губы, частые веснушки на щеках и глаза, выразительные, с пышными ресницами. Красивая, эффектная, через чур яркая. Я думал, будет чуть сдержаннее, милее что ли.

Взгляд такой, как у настоящей рыжей бестии — развратный, оценивающий. Никак не могу сообразить: мне нравится то, что я вижу, или мне это напоминает всем известного попугая?

Хитрая ухмылка на её губах заставляет задуматься: кто из нас охотник — я или она?

— Ну, привет, — голос звучит завлекательно, но не сравнить с тем, который звучал в моём сне.

Кажется, я создал в голове идеал, до которого ни одна из знакомых тёлочек не дотягивает.

Смотрю оценивающим взглядом — на третий круг пошёл глазами. Не могу зацепиться за что-то уникальное в её образе. Ну нет в ней изюминки той, которая была во сне, обычная курага.

— Почему тогда сбежала? — хочу понять: моя это рыжая или нет.

В глазах растерянность, забежал взгляд, как у воришки.

— Это допрос? — держится стойко.

— Желание понять, — подхожу к ней ближе.

Ноздри забивает приторный аромат фруктов, сладкий, навязчивый, будто сироп, стекающий по горлу.

Как можно пользоваться таким парфюмом в мороз? Аромат обостряется и даёт неприятные нотки — это каждая уважающая себя девчонка знает. Где свежий аромат жасмина? Почему не чувствую даже отголосок?

— Понять что? — начинает до неё доходить.

— Обманула ты меня или нет, — обхожу её, размышляя о дальнейших действиях.

— Может, ты меня обманул? И я не тебе писала? — ну, тут всё понятно.

— Ох и дура ты. Если кто в универе узнает, что это моё сообщение, попрошу отца — вылетишь как пробка без возможности восстановления. Поняла? — повышаю голос, чтобы лучше слышала.

Каждое слово — как удар молота, жёсткое, отчётливое.

— Поняла, — опускает глаза в пол.

— Хорошая девочка, — поправляю воротник её шубки и ухожу.

Ткань под пальцами холодная, но я чувствую, как внутри всё кипит.

Вот же клуша! Развела меня, как мальчика, а я повёлся. Какие всё-таки девки хитрые — везде свою выгоду найдут.

Эта, например, решила под шумок меня присвоить. Не отрицаю, что она не знала, кто пишет, и тоже могла напороться на полного ушлёпка. Но то, что она пошла на аферу, представив себя другим человеком, это её совсем не красит.

Чёрт!

Где же ты, моя рыжая? Почему упорно отсиживаешься в засаде? Что со мной не так? Не косой, не рыбой, при бабле!

Настроение — в ноль. Подхожу к тачке, облакачиваюсь на капот, прикуриваю и размышляю.

Как найти — неизвестно. Единственная её отличительная черта — это парфюм, который будоражит моё сознание, будто призрак из прошлого.

Смотрю, как эта рыжая еле передвигает копытами к автобусной остановке, и ничего не чувствую — лишь неприязнь, такую отталкивающую, до тошноты.

Её фигура растворяется в сером пейзаже, становясь всё меньше и меньше.

Прыгаю в тачку, включаю печку, чтобы согреться. Не столько тело замёрзло, сколько душа. Кажется, внутри всё леденеет с каждым зря прожитым днём. Мне просто надо отвлечься.

Еду домой, беру вещи для бассейна и стартую туда. Вода расслабляет и даёт заряд бодрости. И можно подцепить девчонку в чёрном купальнике. По крайней мере, к ней у меня больше желаний, чем к этой кобыле в белой шубке.

13 глава

Сатир

Приехав в бассейн, я быстро переоделся. Не теряя времени, нырнул в воду. Она оказалась идеально тёплой, обволакивающей, словно шёлк.

Народу было немного — лишь пара человек лениво плавали по дорожкам, да небольшая группка парней тусила возле бортика, перебрасываясь шутками.

Зря я надеялся на встречу с русалкой — её, конечно, не было. Только я и мои нерадостные мысли. Перевернулся на спину, позволил воде держать меня, медленно поплыл, глядя в потолок.

В голове снова и снова прокручивалась история с рыжей — будто она специально меня динамила. Безысходность накрывала с головой. Ни единой зацепки не осталось. Никто больше не откликнулся на моё сообщение. И это было чертовски странно.

Не заметил, как доплыл до бортика — затылок мягко упёрся в край. Перевернувшись, я вдруг увидел её — ту самую девчонку, из-за которой и примчался сюда.

Она стояла у края, делала вид, что не замечает меня, уставившись куда-то вдаль.

— Привет, — подплыл ближе, растягивая губы в широкой улыбке.

Она медленно повернулась, приподняла бровь. Взгляд — наглый, пронизывающий, такой, как я люблю.

— Не знакомлюсь, — бросила она и плавно оттолкнулась от бортика, скользя по воде.

«Да ну на фиг», — пронеслось в голове.

Её самоуверенность задела, разбудила азарт. Я рванул за ней, чувствуя, как вода сопротивляется движению.

— А я знакомлюсь, ещё как, — выпалил, сам не зная, что несу.

— Ну и дурак, — отшутилась она, не сбавляя темпа.

— Парень есть? — спросил я, хотя какая, в сущности, разница?

Если мне надо — любая со мной пойдёт.

— Ты что такой настырный! Отвали по-хорошему, — в её голосе зазвучали угрожающие нотки.

Сразу видно — девочка знает себе цену.

— А то что? — я улыбнулся ещё шире, чувствуя, как разгоняется пульс.

— А то забудешь сюда дорогу, — парировала она, не теряя хладнокровия.

Она вела себя как хозяйка положения. Может, у неё есть рычаги давления на администрацию бассейна, или это лишь громкие слова для устрашения надоедливого ухажёра?

— А ты мне нравишься, — продолжил я, не отставая ни на метр.

— А ты мне нет, — она подплыла к бортику, ухватила за край, перевела дух. — Слушай, ну нет настроения, не беси. Плыви, окучивай какую-нибудь другую дурочку.

Я невольно засмотрелся: карие глаза — глубокие, выразительные; губы — сочные, чуть приоткрытые; кожа — идеальная, с лёгким румянцем после плавания.

Просто конфетка. Интересно, какого цвета её волосы? Под шапочкой ничего не разглядеть.

— А если я приглашу тебя сходить куда-нибудь перекусить после бассейна? — не сдавался я, чувствуя, как внутри разгорается азарт.

И тут её глаза вдруг загорелись. Ага, вот оно что — просто голодная.

— Только в том случае, если ты сам приготовишь мне сочный стейк, — оживилась она, и в голосе прозвучала явная провокация.

— Сочный стейк? — переспрашиваю, стараясь не выдать удивления. — Это условие или проверка?

Она чуть прищуривается, будто оценивает, стою ли я её времени:

— Скажем так, тест на серьёзность намерений. Не люблю пустые обещания.

Внутри что-то ёкает. Не привык, чтобы со мной так — без намёков, прямо в лоб. Но отступать уже поздно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.